

ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ

*председатель Попечительского совета
литературной Бунинской премии*

БЕЛАЯ ПРАВДА БУНИНА

(Заметки о бунинской публицистике)

Иван Алексеевич Бунин с полным основанием живёт в сознании миллионов (в моём тоже) как великий писатель и поэт: волшебник слова, классик русской литературы, первый из российских писателей нобелевский лауреат... Национальное достояние. Национальная гордость.

И мало кто знает Бунина как публициста: его публицистика была в СССР под запретом. Лишь в 1990 г. на излёте горбачёвской “перестройки” были опубликованы “Окаянные дни”, основанные на дневниковых записях Бунина 1918–1920 гг. Однако десятки бунинских статей и речей в эмигрантских газетах и журналах 1920–1953 гг. оставались неизвестными для российского читателя. Кроме всего прочего и потому, что Бунин **завещал не переиздавать свою публицистику** после его смерти.

Нашлись люди, нарушившие этот завет. Так появилась книга “Великий дурман”, напечатанная в России в 1997 г. В 2000 г. издательства “ИМЛИ РАН” и “Наследие” опубликовали книгу “И. А. Бунин. Публицистика 1918–1953 годов”.

Теперь каждый может составить своё и полное представление о Бунине-публицисте и о самой его публицистике, которая, на мой взгляд, требует гораздо более глубокого анализа, чем сделан пока в многочисленных хвалебных статьях. Дело в том, что в нынешней России Бунин как художник почти что канонизирован, неприкасаем; “Окаянные дни” и остальная его публицистика используются как своего рода акт обвинения Октябрьской революции и советской власти.

Между тем Бунин-публицист – нечто иное, чем Бунин-художник; бунинская публицистика – что-то совершенно особое, стоящее в стороне от его собственно художественного творчества, хотя исходит из того же ума, той же души, и в этом смысле художественное и публицистическое вроде бы должны представлять органическое целое. Но не представляют. Вот об этом “ином” и “особом” в бунинском творчестве я и хочу порассуждать. Думаю, что дискуссии о публицистике Бунина ещё впереди, и они будут проходить в жёстких спорах.

Публицистика Бунина, несомненно, **художественная**. Из лихорадочного, страстного потока слов, срывающихся с языка без раздумий, без всякой подготовки, с ходу, из криков ужаса, охватившего Бунина при виде того, что происходило в ходе Октябрьской революции 1917 г., что творили, как он говорил, эти “полудикари”, эти “хамы”, эта “чернь” в годы Гражданской войны; из бунри бунинских эмоций, едва успевавших облечься то в блестящие импровизации, то в схваченные на лету выразительные зарисовки уличных картин и персонажей, а то в неточные и “страшные слова”, неумеренные выражения,

поспешные оценки, шаржи и карикатуры мужиков, красноармейцев, большевиков и их вождей, перед глазами встаёт фигура буквально погибающего от возмущения и бешенства человека – фигура живописная и трагическая, фигура, переживающая катаклизмы российской истории с таким страданием, с каким можно переживать только свою собственную и невыносимую физическую боль; фигура воистину героического типа, одержимо утверждающая **свою правду** и готовая ради неё идти своим путём до конца, хоть на дыбу, хоть на крест. Нынешним публицистам учиться и учиться у Бунина не только мастерству слова, но бесстрашию и мужеству, непродажности, верности своим взглядам и своему долгу.

Скажу, однако, и другое: читать бунинскую публицистику, перечитывать “Окаянные дни” тяжело, а временами – крайне неприятно. В своих взглядах на жизнь и историю Бунин чрезвычайно пристрастен и тенденциозен, чего он сам не отрицал. Страсть затмевает человеку разум.

О прошлом, о том, что было, но что смела революция, Бунин пишет с теплотой и нежностью. И его нельзя не понять: там осталось всё лучшее в его жизни и все его надежды.

И никакого намёка на светлое ни в настоящем, ни в будущем. Все акценты в бунинской публицистике сделаны исключительно на грехах и тёмных сторонах революции, новой власти и революционной “толпы”. Бунин в упор не хотел видеть хоть что-нибудь положительное в революции и во всём, что происходило вокруг, старательно собирал всё дрянное, ужасающее, ничтожное, чем полна жизнь во всякие времена и всюду, но особенно – в период разломов истории и смут. Слишком много злобы, слишком много желчи, слишком много ненависти. Несогласие и протест вызывают именно перехлёт, нарушение чувства меры. “Люблю и ненавижу” одновременно – вот состояние, в котором пребывал Бунин долгие годы эмиграции. “Кто смеет учить меня любви к России?” – возмущённо вопрошал он. И тут же из его груди исторгался вопль: “Мщения, мщения!”

Признанный одним из лучших писателей своего времени, Бунин-публицист говорил с миром от имени русской литературы, русской культуры, полагая, что исполняет миссию перед русской историей. Говорил о России, о русской душе, русском характере, русском народе, русской истории, о русской революции, о власти большевиков и ее вождей, о мировой революции и советской власти. Не говорил, а приговаривал, полагая, видимо, что он не только имеет на это право, но и способен дать верные ответы на все вопросы бытия.

Но как избежать революций? Вот вопрос вопросов! На этот фундаментальный вопрос Бунин отвечает наивными словами Льва Толстого, которыми тот пытался упредить царя Николая II от революции, советовал ему: “Любите врагов своих!..” “Идите по пути христианского исполнения воли Божией!..” И так – во многих случаях.

Как человеку огромного таланта, Бунину во многом можно верить. Особенно в постановке вопросов. Но верить Бунину в ответах во всём, слепо и безрассудно, нельзя.

О ДОКУМЕНТАЛЬНОСТИ

Как известно, публицистика – это литература по общественно-политическим вопросам современности. Но в какой степени публицистика как род **литературы** может быть художественной? Конечно, прежде всего – это вопрос талантливости автора. Но будь ты гений среди гениев, коль взялся за публицистику, то поневоле погружаешься **в политику**, а значит, **и в идеологию** – особые и сложнейшие сферы жизни и области специального знания. Представить, будто “Окаянные дни” – это “художественное произведение”, в котором есть страницы, “которые могут сравняться с лучшим из всего, что написано Буниным”¹¹, как это писал М. А. Алданов, – это слишком. На мой взгляд, “Окаянные дни” – документ сугубо политический, идеологический, талантливо окрашенный в художественные краски и тона. Но качество публицистической литературы определяется не художественностью, а глубиной проникновения в социальную материю и главное – **ответами** на злобу дня. Не злобой, не ненавистью, а истиной, способной разрешить противоречие, конфликт. Но такой позитивной задачи Бунин перед собой даже не ставил.

Безусловно, публицистика – неотъемлемая часть творческого наследия И. А. Бунина, **документ времени**. Но это документ, в который, как отмечает, например, Даниэль Риникер, Бунин **не раз** вносил **многочисленные** правки – стилистические, документальные, идеологические. Мало того, что сам текст “Окаянных дней” лишь основан на дневниковых записях Бунина московского и одесского периода 1918–1920 гг. его жизни, а в основном написан заново в 1925–1927 гг. Уже в Париже, по просьбе редактора газеты “Возрождение” П. Б. Струве, Бунин, “готовя “Окаянные дни” для берлинского собрания сочинений, значительно **переработал** текст по сравнению с газетным вариантом. Однако эта правка не была окончательной... Изучение этой правки показывает, что она носила как стилистический, так и **идеологический** характер”². Многократное и тщательное исправление текста всё-таки не могло не исказить документального начала. “В тексте “Окаянных дней”, – замечает Д. Риникер, – обнаруживаются **пласты**, различающиеся по **происхождению** и по **времени написания**”³.

Стоит задаться вопросом: что служило главным **источником** глубокомысленных выводов и ожесточённых высказываний Бунина? Газеты и слухи.

“Все слухи и слухи, – пишет он в “Окаянных днях” 12 апреля 1919 г. в Одессе. – Бешенство слухов. Петроград взят генералом Гурко, Колчак под Москвой, немцы вот-вот будут в Одессе”⁴. Ничего этого на самом деле не происходило, но Бунин жил слухами и надеждой, что они сбудутся.

Вот выдержки всего из двух страниц “Окаянных дней” от 28 февраля 1918 г. “Вести со Сретенки – немецкие солдаты заняли Спасские ворота”; “Слух, что в Москве немцы организовали сыскное отделение”; “В Петербург будто бы вошел немецкий корпус”; “Говорят, что Москва будет во власти немцев семнадцатого марта” (на самом деле этого не было. – **И. И.**); “Расказывал в трамвае солдат...”; “Д. получил сведения из Ростова...”; “Д. добавил: “Большевики творят в Ростове ужасающие зверства... расстреляли 600 сестёр милосердия; ну, если не шестьсот, то всё-таки, вероятно, порядочно”; “Повар от Яра говорил мне...”; “Вести из нашей деревни...”⁵. И так – едва ль не на каждой странице.

Читаешь – и тебя, сегодняшнего, тоже вдруг охватывает неосознанный ужас. Понятно, что, кроме газет и слухов, других источников информации Бунин не имел и не мог иметь, жил в великом расстройстве и панике. Но разве, читая эти статьи сегодня, мы не должны учитывать бунинское психологическое состояние и нескрываемую пристрастность?

10 февраля 1918 г. Бунин пишет: “Ещё не настало время разбираться в русской революции беспристрастно, объективно... Это слышишь теперь поминутно. Беспристрастно! Но настоящей беспристрастности всё равно никогда не будет. А главное: наша “пристрастность” будет ведь очень и очень дорога для будущего историка. Разве важна “страсть” только “революционного народа”? А мы-то что ж, не люди, что ли?”⁶.

Люди, конечно же, – люди! Только другие люди – господа, люди других сословий, других интересов, нежели интересы простонародья, “полудикарей”, “черни”.

Бунинская публицистика, особенно “Окаянные дни”, – это в значительной мере коллекция слухов, домыслов, а кое-где, наверняка, и его богатейшего воображения, о котором он сам говорил, сопоставляя свою способность фантазировать с аналогичным даром Л. Н. Толстого. 11 марта в “Окаянных днях” запись: “Толстой сказал про себя однажды: “Вся беда в том, что у меня **воображение** немного живее, чем у других...” Есть и у меня эта беда”⁷.

Слова, которые сами вот так, без раздумий, с ходу, без всякой подготовки срываются с языка, – самые правдивые. Но сколько в них истины? Вот вопрос. Если твоя рефлексия построена сплошь на слухах, а слухи тоже на слухах, то сколько смысла в твоей правдивости, какой прок от неё?.. Правда, сказанная злобно, лжи отъявленной подобна. Часто протест вызывает не правда сама по себе, а то, каким образом она подана.

Конечно, можно полагать, что правда заключается не в том, чтобы нести истину, а в том, чтобы говорить то, что думаешь. Но вряд ли этот принцип подходит к Бунину. Он жаждал перемены от сказанного им, особенно поначалу. Но для этого одной правды, одной стойкости и готовности висеть за свою правду хоть на кресте, мало. Правда о делах общественных должна всё же как-то совпадать с истиной, а не противоречить ей. Бунин противоречив,

и это не беда, когда бы не испепеляющее пламя ненависти на всех, кто не “икона”, кто только что почитался “иконой”, да перешёл в другую гавань... А правдолюбие, кроме всего прочего, обычно связано с желанием во всяком находить хорошее, а не только дрянное. Отчаянное, безмерное правдолюбие без стремления открыть свет в конце туннеля – нередко лишь проявление безмерной гордыни...

О РЕВОЛЮЦИИ

О том, что Бунин не принял революцию, известно. Согласно соросовским учебникам школьникам рассказывают, что никакой “великой” и “социалистической” революции в октябре 1917 г. в России не было, а был “большевистский переворот”, “захват власти”, да и то случайный. Такими же словами говорит о революции и Бунин. Вот некоторые его высказывания по этому поводу.

“Тихонов рассказывал мне, – пишет Бунин, – как большевики до сих пор изумлены, что им удалось **захватить** власть и что они все ещё держатся”⁸. “Луначарский после **переворота** недели две бегал с вытаращенными глазами: да нет, вы только подумайте, ведь мы только демонстрацию хотели проинформировать, и вдруг такой неожиданный успех!”⁹ Позднее Троцкий писал в дневнике: “Если бы в Петербурге не было бы ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции”¹⁰.

“**Неизбежна была революция или нет?** – спрашивает Бунин. И говорит: – **Никакой неизбежности, конечно, не было**, ибо, несмотря на все недостатки, Россия **цвела, росла**, со сказочной быстротой развивалась и видоизменялась во всех отношениях... Была Россия, был великий, **ломившийся от всякого скарба дом**”¹¹.

Тут Иван Алексеевич серьезно ошибался. 17 января 1895 г. при восшествии на престол в своей тронной речи Николай II прямо сказал: “Бесмысленно мечтать о всякой конституции”. В том же году царь твёрдо поддержал расстрел рабочей демонстрации в Ярославле, направив телеграмму, в которой говорилось: “Спасибо молодцам-фанагорийцам за стойкое и твёрдое поведение во время фабричных беспорядков”.

О том, что К. Маркс еще в 1870 г. был убеждён, что “в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция”, и повторял это неоднократно; о том, что скорая русская революция, как говорил Ф. Энгельс, станет “поворотным пунктом во всемирной истории”; о том, что в “Письмах издалека” В. И. Ленин предрекал, что революция 1905 г. и Февральская 1917-го “должны привести Россию к революции социалистической”, царь Николай знать не знал – что за “людишки”? Слыхом не слыхивал об этом, надо думать, и Бунин.

Николай II, причисленный ныне к лику святых как великомученик, был очень слабым правителем, не способным принимать адекватные решения, верно реагировать на ситуацию, о которой ему осмеливались докладывать.

Еще в 1902 г. министр внутренних дел России Плеве в докладной записке царю говорил: “Если бы 20 лет назад, когда я управлял департаментом полиции, мне бы сказали, что **России грозит революция**, я бы только улыбнулся. Нынче **я вынужден смотреть на положение иначе**”. В феврале 1914 г. министр внутренних дел России Дурново сообщал самодержцу, что “в случае неудачной войны в России неизбежна социалистическая революция”.

Откуда мог знать обо всём этом Бунин? Зато с полной уверенностью писал, что на Октябрьскую революцию “чернь” спровоцировали большевики. И был убежден, что абсолютно прав. Хотя позади уже были и революция 1905 г., и Февральская революция 1917-го, дававшие повод для глубоких размышлений.

Бунин пишет: “Ключевский отмечает чрезвычайную **повторяемость** русской истории”¹².

Во взглядах на революцию Бунину были по душе и слова Наполеона: “Что породило революцию? (французскую. – **И. И.**) Честолюбие! Что остановило её? Честолюбие!”.

“Честолюбие!...” Нет же: “повторяемость” причин **любой** революции, будь то английская, французская или какая-то иная. Нарождающейся российской буржуазии было тесно и душно в атмосфере феодальных и (по сути) всё ещё крепостнических отношений. В 1902 г. в забастовках и стачках участво-

вали 694 тыс. рабочих, в октябрьской стачке 1905 г. — уже более 2 млн. Царь вынужден издать “Манифест” (компромисс! — **И. И.**) и обещать народу новые свободы.

“Из нас, как из дерева, — и дубина, и икона” — не раз цитирует в своих статьях Бунин русскую поговорку. “Из нас” — это из кого? Или “дубина” — из “черни”, “икона” — из помещиков, дворян, князей и прочая?.. Имущего класса? Белой кости?..

“Если бы я эту “икону”, эту Русь (? — **И. И.**) не любил, из-за чего бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так непрерывно, так люто? А ведь говорили, что я только ненавижу”¹³.

“Икону” Иван Алексеевич любил. А тех, кто пел “Дубинушку”?.. Задумывался ли о том, почему из одних — только “иконы”, а из других — только “дубины”; нет ли тут подвоха какого в устройстве жизни и доколе такое будет продолжаться?.. Конечно, думал и понимал: зря, что ли, брат Юлий водил его в молодости по радикальным кружкам? Но не желал никаких радикальных перемен Бунин, да и зачем желать, если ты, хоть обедневший, но всё же дворянин, уже знаменит на всю Россию, как говорится, “сыт, пьян и нос в табаке”?

“Честолюбие!..” Если бы только! “Повторяемость”: нищета и голод постоянно и остро давали знать себя в российских деревнях, где в начале XX в. проживало 85% населения. Через каждые три-четыре года в стране — неурожай, а вслед за ними — голод. В 1891—1892 гг. в России от голода умерли сотни тысяч человек. Через каждые 10 лет в России случался большой неурожай и — большой голод. В 1911 г. голод охватил 20 губерний с населением в 30 млн человек.

Статистика: накануне 1917 г. в России насчитывалось около 2 млн богатых крестьян. Немало! Ещё около 3 млн относились к середнякам. Но 10 млн (две трети) крестьян были бедняками: ни кола, ни двора; ни лошади, ни коровы. В сущности своей, батраки все те же крепостные, хоть и “свободные”, вынужденные гнуть спину на новых хозяев, ещё вчера таких же крепостных, как они, которые были зачастую ещё более жестокими и безжалостными, чем прежние бары. Рано или поздно бедный крестьянин должен был заявить о своих нуждах и страданиях. И когда в годы Первой мировой войны его одели в шинель и дали в руки винтовку, “человек с ружьём” стал естественным резервом тлевшей революции. А когда революция грянула, встал под знамёна тех, кто обещал мир, землю и хлеб. Это были большевики. Это был Ленин.

Ленин, большевики прекрасно понимали “шаткость”, переменчивость настроений, расколотость народа на несколько слоёв: на зажиточных, довольных собой и жизнью; живущих трудно, но колеблющихся, к бунту не готовых; на бедных и нищих, голь перекатную, “проклятьем заклеимённых” на то, чтобы родиться, жить и умирать в голоде и холоде, в услужении, без всякой надежды для детей или хотя бы внуков и правнуков выбиться “в люди”. Таких в России было абсолютное большинство — хоть среди нарождавшегося рабочего класса, хоть среди крестьян, деды и отцы которых всего полвека назад ещё пребывали в крепостных — в рабстве. Кому мила такая судьба? “Чернь” и “нелюдь” сознавали, что они “никто” и “ничто”. И когда провозгласили, что “никто” станет “всем” — они восстали.

Был ли Ленин честолюбив? Почему бы и нет? Человек, лишённый честолюбия, не добьётся ничего в какой угодно области. Сам Бунин — воплощенное честолюбие. Зато какой чудный писатель и поэт!..

“Все спешим влить вино новое в мехи старые и — что ж?” — вопрошает Бунин. В подтверждение бессмысленности таких занятий цитирует Шиллера: “Попытка французов восстановить (? — **И. И.**) священные права людей и завоевать свободу обнаружила только их бессилие... Развращённое поколение оказалось недостойно этих благ... Что мы увидели? Грубые анархические институты, которые, освобождаясь, ломают все социальные связи и с непреодолимой яростью торопятся к животному самоудовлетворению... Явится какой-нибудь могучий человек, который укротит анархию и твёрдо зажмёт в своём кулаке бразды правления...”

“А Великая Английская революция? — вновь вопрошает Бунин теперь уже цитатой Герцена. — Кромвель, величайший злодей, казнит Карла и губит миллионы (? — **И. И.**) людей, уничтожает ту самую свободу, за которую он будто боролся... Меняются формы, но не сущность...”¹⁴ И добавляет от себя: “То же было во Франции с её Маратами и Робеспьерами, в Испании, в Америке,

в России... Посредством убийства осуществлять человеческое благо! Достигать равенства насилием, тогда как насилие есть самое резкое проявление неравенства”¹⁵.

Стоит ли возражать сразу трем великим людям — Шиллеру, Герцену и Бунину, — не находясь на той же высоте общественного признания, что и они? Тем более что во многом они правы... Нельзя полагать восстание и революцию благом. Нельзя не согласиться с тем, что революции развязывают в людях тёмные инстинкты и ведут к неизбежному разрушительству. Нельзя не согласиться с тем, что “насилие есть самое резкое проявление неравенства”. И это далеко не всё, что надо признать истинами, по поводу которых спорить было бы глупо и смешно. Но эти истины — истины не полные, не окончательные, признанием которых можно было бы остановить бесконечную череду народных бунтов, восстаний и революций, происходящих во всех странах от древних времён до нынешних дней. Революции, увы, всё же свершаются, доказывая этим фактом свою неизбежность, а порой и необходимость, — “в конце концов”.

Все неизмеримо сложнее, чем это представлено в статьях и дневниковых записях Бунина. Даже Лев Толстой, Герцен и Шиллер тут ему не в помощь, во всяком случае, положение дел не спасают.

Вряд ли человек рождается революционером. Вряд ли кто со школьной скамьи мечтает совершать революции. К сожалению, человеческие общества устроены так, что сами формируют спрос на людей такого толка, которые с некоторого момента своей жизни становятся на путь “профессиональных революционеров”. И коль скоро такие люди в обществе существуют, то по мере накопления их количества революция становится неизбежностью, рано или поздно — в зависимости от того, как себя чувствуют люди в верхнем эшелоне власти рядом с верховными правителями, как живётся людям второго и третьего сословий, а также простонародью, которое в любом обществе обычно составляет большинство.

Исследователи революций, которых в пору жизни Бунина было ещё совсем немного и труды которых он не мог читать, заметили, в частности, что у каждой революции есть **общие и особенные причины**, свои **движущие силы**. И это почти всегда — **люди высшего света, либо высшего духовного слоя**, недовольные устройством экономической и политической жизни, но никак не “чернь”, не простой народ сам по себе. От него можно ждать бунта, восстания, но не революции, ведущей к переустройству всех основных форм, а значит, и сущности существующего строя. Замечено, что за революцией всегда следует **контрреволюция, откат назад**, к исходным позициям, попытка **реставрации** прежних форм жизни, порой удающаяся, но не навсегда. Замечено, что **длина отката** в прошлое зависит от того, **насколько далеко** шагнула революция в своём стремлении к “обновлению” и разрушительству существовавшего образа жизни. Замечено, что высшие цели революции достигаются через **компромисс** между революционными и контрреволюционными силами, и происходит это **не враз, а постепенно**, в ходе их борьбы год за годом, на которую уходят **десятки, а то и сотни лет**.

Вот **Великая английская революция**, на которую, цитируя Герцена, ссылается Бунин... Не ясно, почему он начинает отсчёт английской истории (быть может, самой кровавой из всех в мире, в том числе кровавее российской) именно от Кромвеля? Ведь эта революция была лишь продолжением и завершением целой серии революций и гражданских войн, потрясавших Англию с гражданской войны 1258–1268 гг., в результате которой **в 1265 г. был создан первый в мире парламент**, состоявший сплошь из знати. В нем не было места “народу”, часть которого была на стороне короля и феодалов, а часть — на стороне нарождавшейся буржуазии, хотя такого понятия в тот момент ещё не существовало. И причина, по которой “народ” дрался сам с собой и убивал друг друга, была вовсе не в том, чтобы защитить интересы своих господ, нет. Этой причиной были **нищета и голод**, которые всегда влекли и загоняли обездоленных в тот стан, где им заманчивей пообещали будущую сытость и крышу над головой. Что касается борьбы между парламентом и династией Стюартов с её сторонниками — феодалами за абсолютную королевскую власть, то “народ” об этом мог и не догадываться: зачем это господам с обеих сторон?.. И разве не то же самое было в борьбе “белых” и “красных” в русской революции? В разгар Гражданской войны и “красные”, и “белые”

ввели воинскую мобилизацию. К лету 1919 г. в Северной армии “белых” из 25 тыс. человек 14 тыс. были пленными красноармейцами. Альтернатива была простой: попал в плен – или с винтовкой против “красных”, или пуля в лоб. То же происходило у Деникина, Колчака и Врангеля. То же – и в “красном” стане...

В разрыве времен почти в 400 лет – между 1265 г., когда в Англии был создан “образцовый парламент” при абсолютной власти короля (компромисс!), и началом очередной революции и гражданской войной 1642 г. – страну потрясло множество восстаний и революций. В 1641 г. казнен граф Стаффорд, фаворит короля. Парламент победил лишь потому, что за ним стоял восставший “народ” и прежде всего Лондон. Страна и народ были поделены на две части, две Англии. Весной 1648 г. вспыхнула новая гражданская война, которую принято именовать Великой английской революцией. И произошла она не по воле “народа” и Кромвеля, который только тут и появляется на политической и общественной сцене, а вследствие попытки Карла I взять реванш и вернуть себе власть. Парламент победил короля. И в 1649 г. тот был казнен. А Кромвель в конце концов стал диктатором, разогнал парламент, восстановил палату лордов (реставрация!) и чуть было не возложил на себя королевскую корону, но заболел, умер, мёртвый извлечён был из могилы и повешен... 19 мая 1649 г. Англия стала **первой в мире парламентской республикой**: высшая **цель революции 1258–1268 гг.** была наконец-то **достигнута**.

Тем не менее в 1660 г. совершилась реставрация (!) королевской династии Стюартов; король согласился санкционировать основные завоевания буржуазной революции (компромисс!). Но “народные” волнения не утихали: в 1688 г. началась “славная революция”, результатом которой в 1689 г. стал новый компромисс (!) между представителями феодальной монархии (старое) и неплохо державшейся на ногах буржуазией (новое).

Вот штрихпунктирное изложение истории “английской революции” (четырёх революций!) длиной почти в 400 лет, в ходе которой погибли действительно миллионы человек, но Кромвель тут хоть и заметная, но проходная фигура. Всё гораздо значительней, масштабней и мрачней в истории этой страны, давшей миру “образец” революционного переустройства общества...

Это сейчас Великая Британия, от которой остались только Англия, Шотландия и уже скоро семьсот лет воюющая с центральной властью Ирландия, выглядит такой мирной, сытой и особо заманчивой для новых российских богатеев. Но когда я, путешествуя по этой стране, посещал её замки и музеи, слушал гидов, зная то, о чём только что поведал, мне временами становилось жутко, хотелось крикнуть окружающим меня людям: “Слушайте! И это вы сейчас учите нас, русских, правам человека, свободе и демократии? Вы, сотни лет топившие свою страну, а потом и многие другие страны в океанах крови? Вы, тогда наши “союзники” во Второй мировой войне, холодно и расчётливо наблюдавшие за тем, как русский народ истекает кровью в борьбе с фашизмом, выжидавшие, кто кого победит: Гитлер – СССР или Сталин – Германия? Вы, задумывавшие вместе с США ещё в ходе этой войны, в 1942 г., напасть на Советский Союз, а потом планировавшие начать третью мировую войну сразу по окончании Второй мировой – 1 июня 1945 г.? Вы смеете учить нас?!”

Но, поостыв, думал: “В каком-то метафизическом смысле, быть может, всё же такое право они имеют, ибо пострадали его, только почему всё сваливают на Русь, на Россию и русских? Почему про **свой** горький опыт сказать “стесняются”?..”

Вот что думаю я, когда читаю размышления Бунина о революции и грехах “большевиков”, действительно существующих, но не исключительных.

Бунин не понимал (не хотел понимать?), что “оканные дни” наступили не “вдруг”, а стали искуплением грехов и ошибок российской самодержавной власти, копившихся столетиями. Думать, будто для постижения смыслов истории и логики общественного развития достаточно лишь писательской наблюдательности и писательского таланта, мне кажется, весьма наивно. А Бунин, видимо, именно так и полагал. В его записках и статьях, кроме имён Льва Толстого да не слишком чтимых им Достоевского и Герцена, из значительных фигур не встречается никто. Маркс и Ленин как знатоки общественной жизни для Бунина существа ничтожные, отрицательно-негативные. А это были, что ни говори, великие умы. Между тем сам Бунин был не более чем

тонкий знаток, холодный наблюдатель жизни российской деревни, добросовестный фиксатор происходивших в ней процессов, но не противник назревавшего окаянства, исполненный желания излечить общественный недуг. Великолепный рисовальщик с натуры. Поэт — не врач, он только боль, струна и нерв?.. Страсть в душе Бунина забурлила, забила ключом лишь в тот момент, когда “дурман” и “окаянство” вырвались наружу и разнесли в клочья всё, что рисовал он в своей знаменитой “Деревне”...

Когда мы говорим о Бунине-публицисте, надо помнить, что он — помещик, аристократ, православный монархист, всей своей сутью тяготевший к старой дворянской культуре и устоявшемуся образу жизни. Этот достоверный исторический факт невозможно игнорировать. Бунин видел и описывал то, что хотел видеть, и не видел, не хотел видеть, знать и понимать то, что не отвечало его воззрениям. А временами просто не понимал, что не понимает. В том нет ничего необычного: человек — существо ограниченное. Бунин был человеком... Человек со своей — Белой правдой. Ко всем другим правдам относился свысока, презрительно. Для него не было правды ни мужицкой, ни рабочей, ни “красной”, а были только Белая идея и Белая правда.

Но что есть Белая идея? Знаменитый русский религиозный философ Иван Александрович Ильин, высланный из России в 1922 г. за антиреволюционную деятельность, широко и внятно изложил эту идею в предисловии к сборнику “Белое Дело”, изданному в Берлине в 1926 г. Белая идея, по Ильину, это не “вооружённая контрреволюция”; не “реакция”, не “реставрация”; дело не “словное”, не “классовое”, дело не “личное”, не “партийное”, не “имущественное”, не “мстительное”.

Белое Дело, утверждал Ильин, это Белый Дух, Белое Сердце, Белая Воля... “Белые никогда не защищали и не будут защищать ни сословного, ни классового, ни партийного дела: их дело — дело России — родины, дело русского государства. И самая белизна личной воли определяется именно этой способностью — жить интересами целого, бороться не за личный прибыток, а за публичное спасение, потопить и сословное, и классовое, и партийное дело — в патристическое и государственное... мы свободны и от революционных, и от реакционных предрассудков; и то, чего мы желаем для России, это — исцеление и возрождение, здоровье и величие, а не возврат к тому недугующему состоянию, из которого выросла революция со всем её позором и унижением. <...> **Россия была духовно больна перед смутой; революция явилась, как обострение и развитие этой болезни”.**

Прекрасные слова!

Но! “Белые обороняют дело духа на земле, — продолжал Ильин, — и считают себя **правыми** перед лицом Божиим. Отсюда религиозный смысл их борьбы: она направлена против сатанинского начала и **несёт ему меч...**”.

Исследователи бунинского творчества пишут о Бунине как беспрекословном и последовательном стороннике Белой идеи и Белого движения¹⁶. “Белые”, по Бунину, — это те, “у которых всё отнято, поругано, изнасиловано, убито, — родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сёстры...”¹⁷. Белые — это помещики, фабриканты, кровопийцы, пауки, угнетатели, деспоты, сатрапы, мещане, обскуранты, рыцари тьмы и насилия¹⁸. “Белые” — это Авель; “красные” — это Каин. В марте 1919 г. Бунин говорил: “...я чувствую, что я не должен быть писателем, а должен принимать участие в правительстве”, “...всё больше и больше думаю, чтобы поступить в армию добровольческую и вступить в правительство”¹⁹.

Абсолютно “своим” считали Бунина и в Белом стане. В августе 1920 г. П. Б. Струве от имени правительства Вооружённых сил Юга России пригласил Бунина в белый Крым: “...Мы решили, что такая сила, как Вы, гораздо нужнее сейчас здесь у нас на Юге, чем за границей”²⁰. Представьте: Бунин стал членом Правительства на Юге, куда его приглашал П. Струве с согласия Врангеля, — и что бы произошло в случае их победы? Бунин был барин, помещик-крепостник, православный монархист. Вот это и есть векторы его мыслей и действий: на барщину, мужички! Или — к стенке. В злобе нет исхода. Ненависть грозит, злоба мертвит, но не плодоносит.

В ноябре 1920 г. армия Врангеля была разбита... Бунин остался в Париже...

Бунин пытается представить дело так, будто его правда — особая, кристально чистая, дистиллированная, абсолютная. В 1919 г. он определил своё политическое кредо в таких словах: “Я не правый и не левый — я был, емь и

буду непреклонным врагом всего глупого, отрешённого от жизни и злого, лживого, бесчестного, вредного, откуда бы оно ни исходило". Но, кажется мне, что это позиция не человека, а Бога, парящего надо всем и надо всеми.

Понимал ли Бунин, что "русская революция" победила не соблазнами большевиков, а потому что в стране был общенациональный, как говорят сейчас, "системный кризис"? Что народу осточертела война, что крестьяне изголодались, что царь и его власть до самого дна исчерпали доверие подданных? 240 тыс. солдат петроградского гарнизона перешли на сторону революции — это как? Когда в непримиримом конфликте сошлись Красная идея и Белая идея, то почти половина русских армейских офицеров и больше половины офицеров и генералов **Генерального штаба** (цвет армии!) пошли служить в Красную армию. Это — как? На сторону революции перешла большая часть Центрального аппарата русской **военной разведки** во главе с генерал-лейтенантом Н. М. Потаповым!.. Царские генералы и офицеры не были большевиками, и почти никто из них не вступил позднее в партию. Их выбор определялся гражданским долгом, любовью к России и её народу.

30 мая 1920 г., когда на польском фронте сложилось угрожающее положение, знаменитые генералы А. А. Брусиллов и М. Д. Бонч-Бруевич вместе с большой группой генералов издали обращение "Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились": "В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старые боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их ни нанёс, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить её расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку Россию".

Отвечая на обвинения "белых" одноклассников, бывший начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Бонч-Бруевич писал: "Суд истории обрушится не на нас, оставшихся в России и честно исполнявших свой долг, а на тех, кто препятствовал этому, забыв интересы своей Родины и пресмыкаясь перед иностранцами, явными врагами России в её прошлом и будущем".

В силу неопровержимой пристрастности Бунин видел всё происходившее в России в годы революции, гражданской войны и советской власти под своим углом зрения и объяснял его сообразно своим взглядам и убеждениям пятидесятилетнего знаменитого человека и помещика. Что ему не нравилось, того он не замечал или с ожесточением опровергал, и наоборот — выпячивал выгодное его представлениям.

Например, Бунин "упускает из виду" тот факт, что Гражданскую войну в 1918 г. развязало Белое движение, изначально надеясь на решающую помощь Антанты, то есть **интервентов**. Бунин наверняка знал, но "не придавал значения" тому, что без западных поставок вооружения, обмундирования и материалов, особенно Англией, Белое движение вообще не могло бы образоваться. Бунин то ли не знал, то ли знал, но не хотел признавать и понимать, что ненависть к России всегда жила на Западе, и "белый проект" вынашивался там задолго до Февральской и Октябрьской революций.

Бунин знал, что Колчак назначен Верховным правителем России Англией и США; что Деникин сознательно работал на Запад. Бунин должен был понимать и то, что иностранные державы используют Белое движение в борьбе с революционным народом, не жертвуя своей "живой силой", но в случае победы "белых" им гарантирована возможность "обустройства" России на свой лад и **в своих интересах**.

Где были в тот момент русские чувства и патриотизм Бунина? В годы Октябрьской революции и Гражданской войны они словно испарились из его души.

Пусть придут любые иностранцы — немцы, англичане, французы, финны, поляки, всё равно кто! Пусть захватят Москву и Кремль, Петербург и Зимний дворец! Пусть оккупируют хоть всю Россию, только бы избавили от русской "черни", "полудикарей", от большевиков. "Лучше черти, чем Ленин!.." — пишет Бунин. Читаем в "Окаянных днях": "В газетах — о начавшемся наступлении немцев. Все говорят: "Ах, если бы!"... Вчера были у Б. Собралось поря-

дочно народу — и все в один голос: немцы, слава Богу, продвигаются, взяли Смоленск и Бологое... Слухи о каких-то **польских** легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас... Немцы будто бы не идут, как обычно идут на войне, сражаясь, завоеывая, а “просто едут по железной дороге” — занимать Петербург... После вчерашних вечерних известий, что Петербург уже взят немцами, газеты очень разочаровали... В Петербург будто бы вошёл немецкий корпус. Завтра декрет о денационализации банков... Видел В. В. Горячо поносил союзников: входят в переговоры с большевиками **вместо того, чтобы идти оккупировать Россию**” и т. п.

А вот записи Бунина из Одессы:

“Слухи и слухи. Петербург взят финнами... Гинденбург идёт не то на Одессу, не то на Москву... Все-то мы ждём помощи от кого-нибудь, от чуда, от природы! Вот теперь ходим ежедневно на Николаевский бульвар: не ушёл ли, избави Бог, **французский** броненосец, который зачем-то маячит на рейде и при котором всё-таки как будто легче”.

О НАРОДЕ

Народолюбие вызывало у Бунина только сарказм. “Чернь” и “полудикари”²¹, “проклятые обезьяны”²², “скотина без пастуха”²³ — вот что такое народ для Бунина. Эти слова разбросаны по всем его статьям. Вот несколько зарисовок...

“Слишком много было и есть у нас субъектов чистой уголовной антропологии. Разбойнички муромские, брянские, саратовские и прочая, прочая, бегуны, шатуны, ярыги, голь кабацкая, пустосвяты, на сто тысяч коих — один святой...”²⁴; “А в красноармейцах главное — распушенность. В зубах папироска, глаза мутные, наглые, картуз на затылок, на лоб падает “шевельюр”. Одежды в какую-то сборную рвань. Иногда мундир 70-х годов, иногда, ни с того ни с сего, красные рейтузы и при этом пехотная шинель и громадная старозаветная сабля”²⁵; “...Красная аристократия: матросы с огромными браунингами на поясе, карманные воры, уголовные злодеи и какие-то бритые щеголи во фрачках, в разратнейших галифе, в франтовских сапогах непременно при шпорах, все с золотыми зубами и большими, тёмными, кокаинистическими глазами...”²⁶; “А народ не виноват!.. Народ будет впоследствии валить всё на другого — на соседа и на еврея: “Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жиды на всё это дело подбили...”²⁷.

“Ну а “белые” — они, конечно же, сплошь орлы!” — полагал, надо думать, Бунин. И народу советскому “белых” представляли именно так. Вспомним атаку каппелевцев в фильме “Чапаев” (кто видел его): идут бесстрашно, плечо к плечу красавцы-офицеры — рослые, в парадных кителях с золотыми погонами, штыки блестят, падает впереди шагавший, его тут же замещает шедший сзади... И никакие пулемёты им не страшны!..

А ведь о “белых” в ту пору можно было говорить столь же ядовито, как и про красноармейцев. Вот свидетельство одного из артиллерийских офицеров Э. Н. Гиацинтова: “Мне смешно смотреть кинокартины, в которых изображается Белая армия — веселящаяся, дамы в бальных платьях, офицеры в мундирах с эполетами, с аксельбантами, блестящие! На самом деле Добровольческая армия в это время представляла собой довольно печальное явление. Одеты мы были кто как попало. Например, я был в шароварах, в сапогах, на мне вместо шинели была куртка инженера путей сообщения, которую мне подарил ввиду поздней уже осени хозяин дома, где жила моя мать, — господин Ланко. Он был в прошлом начальником участка между Екатеринодаром и ещё какой-то станцией.

Вот в таком виде мы щеголяли. В скором времени у меня отвалилась подошва от сапога на правой ноге, и пришлось привязать её верёвкой. Вот какие “балы” и какие “эполеты” мы в то время имели!”

Гражданская война была трагедией для всей России: для “белых” и “красных”. Вряд ли артиллерист Гиацинтов доподлинно знал, что Белая идея, за которую он умирал, в сущности своей была антирусским, антигосударственным проектом Запада, подхваченным российскими либералами, сокрушившими монархическую государственность в ходе Февральской революции 1917 г. Тысячи корнетов и поручиков, вставших “За Веру, Царя и Отечество!”, певших гимн “Боже, царя храни!”, были “пушечным мясом”, “военной рукой”

Антанты, которая упустила свой шанс раскромсать Россию только потому, что внутри каждой из стран, входивших в этот союз, в тот момент вызрели свои восстания и революции. Генералы — основатели Белого движения (Корнилов, Краснов, Деникин, Колчак, Кутепов, Врангель и другие) меньше всего собирались разрешать проблемы, которые привели к революции. Первое, чего они хотели, — вернуть “свое”, прекрасно понимая, что собственными силами, без иностранной помощи им не победить.

Волею Запада Верховный правитель России адмирал Колчак, “дитя Февраля”, писал о русском народе буквально следующее: “обезумевший дикий (и лишённый подобия), неспособный выйти из психологии рабов народ”. При власти Колчака в Сибири было построено 50 концентрационных лагерей, около миллиона человек были брошены в тюрьмы.

Бунин же перед Колчаком и Деникиным, с которыми встречался позднее, просто млея, пел им дифирамбы как национальным героям. Хотя даже злейший враг Советов З. Н. Гиппиус записала в дневнике 2 сентября 1919 г.: “На Деникина, вероятно, почти никто не надеется, несмотря на его, казалось бы, колоссальные успехи, на все эти Харьковы, Орлы, на Мамонтова и т. д. Слишком мы здесь зрячи, слишком всё знаем изнутри, чтобы не видеть, что ни к чему, кроме ухудшения нашего положения, не поведут наши “белые генералы”, старые русские “остатки”, — если они не будут честно и определённо поддержаны Европой”. По существу своему Белое движение выступало как прозападная сила, принявшая от Антанты материальную и военную помощь в форме иностранной интервенции. Умом своим Бунин был куда как посылнее Гиппиус, был способен смотреть на вещи поглубже... Или не так?..

В рассуждениях об отношении Бунина к народу было бы ошибкой забывать: Бунин — дворянин знатного рода, чем гордился чрезвычайно. После отмены крепостничества в 1861 г. имения его матери в Воронежской и Орловской губерниях были на грани разорения, но существовали и позволяли господам жить вполне сносно: держать хорошие связи, путешествовать, бывать в свете, на званых обедах, в театрах, иметь хорошую одежду, знать вкус “налимьей ухи, розовых ярычков в крепко пожаренной сметане”, “дорогих вин и коньяков”. Прекрасно, прекрасно!.. Но это всё — не для городских и сельских обывателей — людей низших сословий, которые составляли почти 90% населения России и звались “народом”, который Бунин наблюдал, изучал и описывал, глядя на него со стороны, сверху и свысока. Себя самого Бунин к “народу” не причислял. Сказать о себе “чернь”, “полудикарь”, “обезьяна”?..

О “ВОЗРОЖДЕННОЙ” РОССИИ

В публицистике своей Бунин не раз обращается к Герцену, то укоряя его в ускорении революции, то восхищаясь его пророчествами. 20 апреля 1919 г. Бунин записывает “замечательные строки” Герцена: “Нами человечество протрезвляется, мы его похмелем... Мы канонизировали революцию... Нашим разочарованием, нашим страданием мы избавляем от скорбей следующие поколения...” Бунин заключает: “Нет, отрезвление ещё далеко”.

Следуя герценовской и бунинской мысли, “опохмелились” и “отрезвились” мы ельцинской ультралиберальной и ультрадемократической революцией 1991 г. Можно сказать, что Белая идея восторжествовала. Белое дело совершено. Бунинские мечтания осуществились, бунинские страдания вознаграждены...

Но вернемся к предисловию философа И. А. Ильина “Белое дело”, уже цитированному мною. В 1926 г. И. А. Ильин писал: “Да, Белое дело состоит в том, чтобы бороться за родину, жертвуя, но не посягая, утверждая народное спасение и народное достояние, но не помогаясь прибытка для себя; строя национальную власть, но не подкапываясь под неё; служа живой справедливости, но не естественному равенству людей. Мы не верим в справедливость насильственного уравнивания и имущественного передела; мы не верим в целесообразность общности имущества, в правоту социализма, в спасительный коммунизм. Дело не в бедности, а в том, как справляется дух человека с его бедностью. Дело не в богатстве, а в том, что делает человек со своим богатством. Дело не в бедности и не в богатстве, а в том, чтобы каждый человек мог трудиться; трудясь, строить и преумножать; преумножая, творить новое и делиться с другими. Мы утверждаем естественность и необ-

ходимость частной собственности и видим в ней не “грех” и не “стыд”, а личное и общественное духовное задание. И потому наши девизы: собственность и творчество; изобилие и щедрость.

И мы знаем, что на этих основах будет строиться грядущая, новая Россия.

Она предносится нам единою, ибо в центробежном распаде государство не живёт, а умирает, не крепнет, а слабеет и гибнет. Она предносится нам великою — в качестве и в размере, в духе и в силе, в заданиях и в достижениях. Она предносится нам примирённою — установившей мир, терпимость, доверие и уважение среди своих народностей, классов, провинций и сословий. Она предносится нам **возрожденною** — в религии и в просвещении, в правопорядке и в хозяйстве, в семье и в быту. И мы выражаем этот облик в нашем исконном девизе: единая, великая, примирённая, **возрождённая**.

Мы не сомневаемся в том, что это грядёт и осуществится”.

Красиво сказано!

Ну вот — осуществилось! И что же? “Отрезвилась” Россия?

Незначительная часть населения “возрождённой” России живёт представлением, будто в стране наконец-то установился “естественный” строй общества, сменивший советский — “искусственный”, установился навсегда, что капитализм победил социализм окончательно и никаких возвратов в походе на него прошлое быть не может, что никаких великих потрясений никогда уже не случится. Ох, как хотелось бы и мне, чтоб жизнь наша шла в мирном русле, текла, будто вода среди зелёных берегов, поворачивая то чуть влево, то немного вправо, но становясь всё полнее, шире, привольнее. И никаких перекатов, водопадов...

Но вряд ли так оно и будет.

Ельцинская революция 1991 г. чрезвычайно похожа на революцию 1917 г. и всё, что ей предшествовало (слабость власти, неспособность накормить народ, видеть новое, изменяться самой и изменять общество и т. д.). Так же, как в октябре 1917 г., советская Система рухнула при первом дуновении ветров перемен, а сам зачинщик “гласности”, глашатай свободы и затейщик “перестройки”, возжелавший изменить мышление народов огромной страны и всего человечества лишь болтовнёй с экрана телевизора, элементарно струсил и сдал власть.

Беда России XXI в. в том, что она встретила новое время под лозунгами ультралиберализма в форме “дикого капитализма”, которые давно исчерпали себя, и, следуя этой дорогой, можно прийти только к катастрофе. Ельцинскую революцию 1991 г., если мыслить законами революции, нужно рассматривать не как шаг вперёд, а как огромный по меркам времени **откат назад** к старым формам бытия в новых, превращённых формах, как **реставрацию** дореволюционной России. Что, собственно, существенно нового появилось в “новой” России? Компьютеры? Интернет? Мобильники? Это — несомненно. Президент? Тот же царь. “Элита” общества? Та же знать: князья, графья, дворяне, духовенство, генералитет. Власть? Такая же малоспособная, как при царе и на закате СССР, только ещё более алчная, беспринципная и безответственная.

“...Новая Россия страшна... Особенно молодежь... Много холодных убийц... Много спекулянтов, дельцов, хулиганов, головорезов...”

“Россия будет!” — Да, но какая? И новая ли? **Так ли уж ново наше новое?**”

Согласитесь, звучит куда как современно. Но это слова Ивана Алексеевича Бунина, им уже под девяносто лет.

“Блеск звезды, в которую переходит наша душа после смерти, состоит из блеска глаз съеденных нами людей”. Это одно из древнейших дикарских верований. И, право, оно звучит теперь не так уж архаично. Тоже понравившаяся Бунину мысль, но как подходит она к нашим дням, когда, пожалуй, самым затёртым стало словосочетание “новая Россия” (“Белая Россия!”), в которой миллионы бедствуют, нищенствуют и мрут не из-за неурожаев, как в царской России, негодуют не из-за нехватки товаров и продуктов, как бывало временами при советской власти, а потому что одни (ничтожное меньшинство) жрут от пуза, лопаются от жира, состязаются в том, у кого дворец на Рублёвке больше, яхта в Средиземноморье длиннее и дороже, а другие (огромное большинство) не знают, как прокормиться, собрать ребёнка в первый класс, где жить, как жить и — зачем жить? Имущественный разрыв между “возрож-

денной” российской знатью и народом беспрецедентен в новейшей мировой истории, если мыслить Россию в ряду “цивилизованных” стран. А именно этот разрыв и порождает недовольство, протест, возмущение, гнев и ненависть, именно в этом разрыве вновь возникают мысли о несправедливом устройстве общества и разного рода идеи о том, как устранить эту несправедливость. И появляются люди, способные чувствовать чужую и общую боль острее, чем собственную. Их принято называть революционерами. Можно сколько угодно проклинать революционеров и революцию, но народ государства, жить в котором становится невыносимо, в силу правового основания необходимой обороны своего права на человеческую жизнь имеет право восстания, право революции, отменить которое не дано никому. Это ведь совсем не случайно едва ли не в каждой американской семье числится по нескольку единиц огнестрельного оружия: народ вооружён и тем опасен. Демократия, то есть власть народа (говоря это вообще, а не в похвальбу политсистеме США), должна иметь возможность защитить себя.

Как и обещал И. А. Ильин, “новые белые”, полагаясь на свою безусловную правоту, принесли возрождаемой ими России не мир, но меч – меч управляемого Хаоса, меч ускоренной Глобализации, меч тотальной, невиданной ни в одной стране мира по своим масштабам преступной приватизации.

“Но взойдёт наше солнце – нет среди нас ни единого, кто бы не верил в это!” – писал Бунин. Вот оно взошло, Ваше солнце, Иван Алексеевич!.. И что же мы видим в его сияющих лучах?

Воистину сказочные богатства страны разворованы, розданы в загребущие, но неумелые руки по преимуществу бездарных и порочных людей, ухлопаны на взятки, заказные убийства, на рекламу, на выборные технологии и откровенную пропаганду нового режима, на создание бандитских телесериалов, развращающих молодые поколения...

Могучая экономика, мощнейшая промышленность, построенные за небывало короткие сроки, с крайним перенапряжением сил за счёт здоровья и жизни миллионов людей, уничтожены.

Десятки миллионов людей, и прежде живших кое-как, ныне пребывают в полной нищете, болеют, не имея денег на лекарства, ускоренно уходят на тот свет, а у родни нет даже денег, чтобы похоронить их по-человечески.

Под видом реформ развалена некогда лучшая в мире система образования, и теперь посреди землетрясения, когда всё вокруг только рушится и невозможно вести никакое строительство, сверху беспрестанно талдычат о том, что всё это сделано во имя повышения качества образования, требуют и далее его повышать. Да разве ж можно жить и строить на вулкане? Что это, если не сумасшествие? А если всё же нет, то умысел? Обезумить, оглупить народ, обезглавить нацию, дабы легче было управлять... “чернь”, “полудикарями”, “обезьянами”?

“Слишком много образования, слишком много науки в России”, – всё ещё слышу я слова Егора Гайдара. С образованными-то да умными, глядишь, и новая революция подоспеть может, а тёмный люд, “чернь” – дело известное: ему довольно “хлеба и зрелищ!” С “хлебом” пока откровенно плохо, зато телезрелищ – невпроворот. Пошлых, но много: есть из чего выбирать. Свобода выбора! Свобода!..

Чего не смог сделать Гитлер почти за пять лет войны, сделали отечественные интервенты и колонизаторы, правда, и тут не без злого совета и крепкой помощи Запада...

Но хватит “страшных слов”! В ход идут страшные цифры...

К 2007 г. на социальное “дно” в России опустилось 14 млн человек: 4 млн бомжей, 3 млн нищих, 4 млн беспризорных детей, 3 млн уличных и привокзальных проституток.

300 тыс. детей в возрасте до 16 лет считаются пропавшими без вести. Свыше миллиона детей не посещают школу.

720 тыс. детей содержатся в сиротских домах (после Великой Отечественной войны и гибели 27 млн человек в сиротских домах было 680 тыс. детей).

Ежегодно в стране пропадает до 80 тыс. человек всех возрастов, из них 30 тыс. – бесследно.

По данным МВД России, в организованную преступность вовлечено 6 млн человек, которые контролируют более 80% банков, 41 тыс. предприятий, практически все предприятия сферы услуг и торговли, всего около 550 фирм.

Ежегодно официально регистрируется более 30 тыс. убийств, в том числе 20 тыс. — заказных. По количеству убийств Россия занимает первое место в мире.

По результатам исследований ВЦИОМ, из 60 млн трудоспособного населения России одна треть — хронические алкоголики, 4 млн наркоманов, более миллиона отбывают сроки в тюрьмах и лагерях. На 100 тыс. жителей России приходится 38 самоубийств в год (почти вдвое больше предельной черты) — одно из первых мест в мире²⁸.

Будущим поколениям грозит маразм, одичание, вырождение не только духовное и моральное (оно уже налицо), но и физическое. Не утешайте себя, господа, многотысячными тусовками “Наших” (чьих “наших” — то, чьих, господа?) на озере Селигер... Видно же, что это всего лишь Большая Игра, но не Дело и не Работа. Будущее грозит, бойтесь Будущего!..

Вот такие (пока?) результаты “возрождения России”... Но об этом не услышишь по радио, не узнаешь по телевизору — СМИ снова под жёстким контролем. Если верить им, жизнь становится всё радостней и веселей...

Ах, милый Иван Алексеевич! Вот взошло Ваше белое солнце, вернулось в Россию время господ, но чрезвычайно редко кто решается обратиться к другому словом “господин”. Даже Президент России и её премьер-министр предпочитают слово “коллега”, хотя звучит это, право же, очень смешно. Мало, безумно мало тех, кто чувствует себя господином в этой жизни, несколько десятков, ну, может, сотня тысяч на всю 140-миллионную Россию. И только Вы, дорогой Иван Алексеевич, ровня им, потому что хоть и обедневший, но всё же помещик и дворянин. Настоящий белый. Но пообщались бы Вы с некоторыми из них, и Вас бы стошнило от их духовного убожества и морального уродства... Вот уж воистину — “чернь”, “белая чернь”.

* * *

Снова скажу: тяжело, невыносимо тяжело было мне перечитывать “Оканные дни”, читать одну за другой бунинские статьи, до самых краёв налитые яростной злобой, испепеляющей ненавистью и барской брезгливостью ко всему, что происходило в революцию, в годы Гражданской войны и в Советском Союзе.

Однажды вдруг поймал себя на мысли: Боже мой, да ведь мне, родившемуся в 1936 г., в ноябре 1953 г., когда Бунин умер, было уже семнадцать лет!.. Семнадцать лет я и Бунин жили в параллельных мирах. Я родился в Ленинграде и вырос при советской власти, обучен и воспитан ею; за эту власть, за Родину отдали жизни в Великой Отечественной мой отец и его брат — оба коммунисты; семья наша — мама, сестра, старший брат и я пережили полтора самых страшных года фашистской блокады Ленинграда; я был пионером, комсомольцем, членом компартии, служил стране преданно и честно. И было за что служить — одно образование моё чего стоит!.. Я — из простонародья, но, как говорится, “вышел в люди”...

Выходит, Бунин яро и скопом ненавидел меня, мою семью, моих друзей и товарищей, миллионы людей, по его понятию сплошь “большевиков”, которые между тем сотворили “советское чудо” — превратили Россию лапотную в Россию индустриальную и электрическую, победили фашизм в Великой Отечественной войне, первыми в мире начали освоение космоса — Боже, да разве надо перечислять всё великое, что сотворили “большевики”?.. И всё это псу под хвост?!.

Но Бунин — не сверчок за печкой: великий русский писатель. А я, волею судьбы, председатель Попечительского совета литературной Бунинской премии, должен знать, что такое — Бунин. И я продолжал читать...

Моментами что-то хорошее в моём уже сложившемся отношении к Бунину рушилось, но вскоре восстанавливалось на прежнем месте, возрастало ещё выше... и снова падало, и снова возвышалось... Час за часом, день за днём в моей душе происходили какие-то чудеса превращения: она протестовала, возмущалась, тоже презирала и ненавидела, болела, стонала, плакала и кричала, но, кажется, всё же росла... И Бунин — злой, холодный, отстранённый, замкнутый и высокомерный — становился мне... не скажу — ближе, но объяснимей и понятней: за каждой строкой я почти воочию видел и чувст-

вовал **человека**, от боли и страданий у которого вот-вот разорвётся сердце. То и дело Бунин отмечает это своё состояние: “омертвление головы, сердцебиение, дрожь в отваливающихся от бешенства, от обиды руках и ногах”²⁹; “как никогда раньше страшно плакал”³⁰; “хватал газету прыгающими от волнения руками”, писал “дрожащими, холодными руками”³¹. Жаловался: потерял всякий вкус к жизни. “Я просто погибаю от этой жизни и физически, и душевно. И записываю я, в сущности, чёрт знает что, что попало, как сумасшедший... Да, впрочем, не всё ли равно!”³²

В такие мгновения я злорадно подмечал: “Вот именно: несёшь “чёрт знает что” и “что попало”. Временами, мне кажется, я видел Бунина таким, каким он бывал в те моменты, когда писал “как сумасшедший” – нервного, озлобленного, обиженного и жестокого, ненавидящего всех и вся. Тогда я думал: “Да, Бунин вот такой. А каким бы был ты, окажись в его положении?” И признавался: “Пожалуй, таким же”.

Отринувшись от текста бунинских записей, я не единожды спрашивал себя: “И всё-таки: почему же не бросишь читать?” И отвечал: “Бунин говорит правду, которой ты не знал, и ты хочешь знать эту правду, как ни противно это твоему уму. Но отчего ж “противно”?.. У Бунина **своя** правда. Да, бунинская правда **не вся** Правда, не чистая Правда, правда знатных и богатых – “белая” правда, которую Бунин преподносит как истину в последней инстанции, с диким напором и ожесточением. И всё-таки – правда. По-человечески Бунина нельзя не понять. И я сочувствовал и сострадал...

И это совсем другое дело, что существует правда простолюдинов, простонародья, правда бедных и нищих, правда мужицкая, рабочая, правда “черни”, правда “полудикарей”, как говорил Бунин, – правда “красная”. И две эти правды никогда не сольются воедино. “Белая” правда никогда не сможет затмить и отменить другую правду – “красную”. И наоборот.

Две России, две горькие правды эти обречены сосуществовать в человеческом сознании, и не дай Бог сорваться с крючка той или иной! Вот тогда – снова Беда, по поводу которой так страстно и горестно кричал всему миру Бунин, тогда снова – революция... Тут всё зависит от того, кто и как будет управлять страной. Но это – другая тема.

Изучив публицистику Бунина, я подумал, что совсем не случайно он не хотел, чтобы статьи и речи его не печатали после смерти: Бунин-публицист, что ни говори, **ниже Бунина-художника**. Обида, злоба, ненависть, желчь и сарказм по поводу всего и вся, что было связано с новой – революционной и послереволюционной Россией, изумляли Бунина, застали его глаза, не позволяли взглянуть на происходившее менее пристально, более объективно. И это понятно: он потерял всё, что имел и ценил, чем дорожил, на что надеялся. Осуждать его не вправе никто. И то, что Бунин говорил безудержно, тоже естественно, а для тех, кто пытается понять, что такое Бунин-писатель и Бунин-поэт, крайне важно: публицистика до конца прояснила художественное начало, характер его героев, манеру письма – “холодность”, “отстранённость”, “сарказм”, “надменность”, “консерватизм” и другие подобные изъяны творчества, о которых писали современные ему критики и чего порой невозможно не заметить. И всё же бунинская публицистика, отличная по форме, слову, силе эмоции и страсти, смелости и мужеству говорить то, что хочется сказать, всё-таки проигрывает прозе и стихам его безнадёжно...

Можно ли осуществить операцию по отсечению в творчестве Бунина художественного от публицистического? “Физически” это не сделать никак. В публицистике Бунин со всей откровенностью выразил те черты своей натуры, которые проглядывались в его поэзии и прозе, но не могли быть объяснены и поняты вполне. Бунин-публицист обнажил их. Теперь можно внести некоторые поправки в понимание сущности этого великого человека и великой личности, достоинства которого как художника в моём представлении ничуть не упали. Гений – это интеллектуальная, психическая аномалия, это необыкновенный человек, и судить о нём обычными способами невозможно.

Вот строки из “Исповеди” Л. Н. Толстого: “Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспоминать об этих годах... Я убивал людей на войне, вызывал на дуэль, чтобы убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков; казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодоедание всех родов, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершал...” Страшные признания. Но Толстой остаётся Толстым. Так и Бунин. Великий ху-

дожник слова. Публицистика? Несомненно, художественная. Остальное отставим в сторону. Как говорится, не за это ценим и любим...

* * *

В 2009 г. Президент России Д. А. Медведев своим указом создал комиссию, призванную бороться с фальсификацией истории “в ущерб интересам России”.

Наконец-то власть заметила, что у государства и народа украли не только нефть, газ, золото, бриллианты, заводы, фабрики, промышленность и сельское хозяйство, одним словом – экономику, но потихоньку, с помощью соросовских наёмников, умыкнули самое главное – историю страны в её истинном содержании и сущности, нафаршировав Прошлое баснями, мифами и чистопородной ложью – в интересах Запада и “в ущерб интересам России”. История СССР представлена как совокупность преступлений, безрассудств, безумств и несчастий, как сплошной криминал...

В указе Президента говорится прежде всего о новейшей истории России и истории Великой Отечественной войны. А я-то думаю, что проверке на объективность, на истинность следовало бы подвергнуть всю советскую историю, начиная с Великой Октябрьской социалистической революции, не обеляя, но и не очерняя её. Сказать однажды твердо и навсегда: “Всё, что было в Прошлом России, – это наша история. В этой истории были героические и великие события и личности, были события трагические и постыдные, были люди мелкие и ничтожные. Так или иначе у нас нет другой страны, нет и другой истории. Но в целом история России от дней её возникновения и поныне оказала и оказывает огромное и благотворное влияние на облик всего человечества. Мы можем и должны гордиться своей историей”.

Для фальсификаторов годны даже липовые источники, а тем более заманчиво использовать в своих целях авторитеты в науке, литературе, политике. Бунин как нельзя лучше подходит на эту роль, хотя сам Бунин вовсе не думал о “фальсификации” истории, напротив, он был абсолютно убеждён в том, что речёт абсолютную правду, и делал это с неистовой страстью, талантливо, включая на всю мощь свою феноменальную наблюдательность и безудержное воображение. Перед нами уже не писатель и поэт, а идеолог и политик с талантами истинного художника, излагающий собственные философские, политические, социальные и исторические воззрения со всей беспощадной жестокостью своей природы.

Завлабам “молодой российской демократии” бунинские “Окаянные дни” пришлись как нельзя кстати, ибо создавали ужасные образы Великой Октябрьской революции, Ленина, большевиков и шедшей за ними “черни”, чем на корню, как мнилось им, уничтожали коммунистическую идеологию. Не имея возможности ни согласиться, ни возразить, Бунин начал “работать” на идею “возрождения” России, хотя на самом деле его втянули в новую русскую революцию, во главе которой встали странные и страшные люди, для которых Россия – не любимая Родина, а открытое географическое пространство, огромный “кормящий ландшафт”, “зона для свободной охоты” в поисках добычи; место утоления непомерных политических амбиций и жажды власти.

Бунинская публицистика способна захватить внимание читателя почище детективного романа, перевернуть мозги в удобном автору направлении. Без сомнения, в ельцинскую революцию 1991 г. Бунин помимо своей воли внёс немалую лепту. “В ущерб интересам России...” Увы.

Пропагандистская машина “возрождённой России” (прежде всего – телевидение, видеопродукция, а сейчас ещё и интернет) поработала весьма умело, переняв все формы и методы современных социальных технологий влияния на сознание человека. И многие дети из простонародья всем своим наивным умом восприняли новые мифы и – возненавидели дела своих дедов и отцов: революцию, Гражданскую войну, всё советское – заводы и фабрики, идеи, героев тех времён, образ жизни и самих людей – “совков”, не отдавая себе отчёта в том, что вот теперь-то они навсегда простонародье, воистину “чернь”, путь которой “в люди”, “наверх”, во власть перекрыт уже не тонким слоем новых “господ”, новой “элиты”. Так далеко Бунин, конечно, не заглядывал, но то, что он является ныне одной из числа избранных опор формирования “нового сознания” молодых поколений – это факт.

Бунин был человеком совести, и она, как внутренний закон, вела его по жизни, не позволяя выйти за рамки правил и собственного понимания смысла жизни, определяла все его поступки на поворотных этапах жизни: неприятие Октябрьской революции, советской власти и — эмиграция; отказ от сотрудничества с немцами в годы войны, грозивший ему смертью, и — нищета; отказ от возвращения в СССР, обещавшего ему новую огромную читательскую аудиторию, материальное благополучие, и — тоска по Родине до самой смерти.

В публицистике Бунин был неистово страстен и одержим, бесстрашен и мужествен, вёл себя как герой, упрямо шёл дорогой одиночества с гордо поднятой головой, хотя с каждым годом всё глубже сознавал, что силы и нервы его уходят в пустоту, на борьбу с ветряными мельницами. Донкихот русской культуры. . .

С годами бунинское неистовство, бессильное и невостребованное, затихало, время заставляло порой размышлять над ранее сказанным, иногда, наверное, рождало сомнения в излишней категоричности своих прежних высказываний. Во всяком случае, этому есть некоторые свидетельства.

В воспоминаниях поэта и писателя К. Симонова “Об Иване Алексеевиче Бунине” есть такие строки: “Сколько мне помнится, Бунин два раза возвращался в разговорах со мной к своим “Окаянным дням”, даже спросил меня, читал ли я их. Я сказал, что нет, хотя на самом деле читал. Он сказал, что в этой книге много такого, под чем он сейчас не подписался бы, но она писалась в другое время и в других обстоятельствах, а кроме того, даже и тогда он в этой книге не позволил себе писать о большевиках много такого, что писали в то время о них другие литераторы”³³. И ещё пишет Симонов, что Бунин сказал ему: “. . . Вы должны знать, что двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года (начало Великой Отечественной войны. — **И. И.**) я, написавший всё, что писал до этого, в том числе “Окаянные дни”, я по отношению к России и к тем, кто ею ныне правит, **навсегда вложил шпагу в ножны. . .**”³⁴.

В другом месте К. Симонов писал, что “в сорок шестом году Сталин был для него (для Бунина. — **И. И.**) после победы над немцами национальным героем России. . .”³⁵. Во время одной из встреч с Симоновым Бунин предложил тост: “Выпьем за великий русский народ — народ-победитель! И ещё — за полководческий талант Сталина!”³⁶

На самом деле Бунин с тропы войны не свернул, ещё много раз выступал со статьями, враждебными СССР. И это естественно для Бунина. Издал книгу “Воспоминания” — по тону своему сродни всем прежним публикациям, в 1953 г. готовил к переизданию “Окаянные дни”.

Бунин-публицист и Бунин — писатель и поэт — это единая и целостная Личность, в творчестве которой художественное выше публицистического, но берёт своё начало из бурлящей страстями и мыслями природы этого человека, включая страсти политические и социальные. Снова скажу: Бунин-публицист ничуть не принизил в моём сознании Бунина-художника, напротив, я лучше понял его как человека, стал уважать за смелость и мужество.

Но — не сотворим себе кумира! Жил да был на белом свете очень русский человек со своею Белой правдой — Иван Алексеевич Бунин. Красивый и умный, бывал велик и мал, добр и зол, любил и ненавидел, страдал и наслаждался, был бесстрашен и пуглив, милосерден и жесток. . . Был человек, обыкновенный гений. . .

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алданов М. А. И. А. Бунин. Собрание сочинений. “Петрополис”, 1935. Т. IX, X // Современные записки. 1935. Кн. 59. С. 472.

² Иван Бунин. Pro et contra. СПб., 2001. С. 629.

³ Там же. С. 641.

⁴ Бунин И. А. Окаянные дни // Бунин И. А. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 6. С. 309.

⁵ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 292–293.

⁶ Там же. С. 282.

⁷ Там же. С. 296.

⁸ Там же. С. 297.

⁹ Там же.

- ¹⁰ Цит. по: Бунин И. А. Т. 6. С. 414.
- ¹¹ Бунин И. А. Миссия русской эмиграции // Бунин И. А. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 8. С. 391.
- ¹² Бунин И. А. Окаянные дни. С. 343.
- ¹³ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 311.
- ¹⁴ Бунин И. А. Ещё об итогах [из "В. д."] // Бунин И. А. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 380–381.
- ¹⁵ Бунин И. А. Ещё об итогах. С. 381.
- ¹⁶ Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов. / М.: Наследие; ИМЛИ РАН, 2000. С. 5.
- ¹⁷ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 318.
- ¹⁸ Там же. С. 334.
- ¹⁹ Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 8.
- ²⁰ Цит. по: Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 8.
- ²¹ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 342.
- ²² Там же. С. 331.
- ²³ Там же. С. 332.
- ²⁴ Бунин И. А. Ещё об итогах. С. 384.
- ²⁵ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 333.
- ²⁶ Там же. С. 317.
- ²⁷ Там же. С. 306.
- ²⁸ Пугачёв В. День грядущий на закате. Механизм скрытого национального самоуничтожения в современной России // Советская Россия. 2008. № 147. 10 января.
- ²⁹ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 331.
- ³⁰ Там же. С. 408.
- ³¹ Там же. С. 310.
- ³² Там же. С. 374.
- ³³ Бунин И. А. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 423.
- ³⁴ Там же. С. 422–423.
- ³⁵ Знамя. 1988. № 3.
- ³⁶ Цит. по: Лавров В. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920–1953). М.: Молодая гвардия, 1989. С. 342.